

*«Замена одних колонизаторов на других»: карцеральный
феминизм и эволюция концептуальных и политических
взглядов Кэтлин Барри*

Даниил Жайворонок

Кэтлин Барри и ее труд *Female Sexual Slavery* (FSS) (1979) занимает особое место в истории современного феминизма. Внутри «второй волны» эта работа стала одной из первых систематических попыток описания коммерческого секса в терминах феминистского анализа. Одновременно в ней была предложена современная ревизия и интерпретация наследия борьбы феминисток конца XIX – начала XX веков против государственной регуляции борделей и так называемого «белого рабства». Таким образом FSS и его авторка, помимо прочего, играли важную роль связующего звена между прошлым и настоящим феминистской политики в отношении коммерческого секса.

Публикация FSS сделала Барри одной из главных фигур международного феминистского движения, а высказанные в ней идеи оказали сильнейшее влияние как на осмысление коммерческого секса, так и на феминистскую мобилизацию вокруг этой проблемы. Как писала позднее сама Барри (Barry 1995), публикация FSS стала толчком для формирования глобальной феминистской коалиции по вопросам коммерческого секса, которое увенчалось основанием *Coalition Against Trafficking in Women* (CATW) – влиятельной международной феминистской НКО, целью которой является борьба с коммерческим сексом и женским сексуальным рабством. А одним из толчков для работы над этим исследованием для Барри стало именно знакомство с наследием выдающейся британской феминистки XIX века, Джозефиной Батлер, одной из центральных фигур в международном феминизме своего времени, основная активность которой была связана с организацией общественных кампаний против государственной регуляции проституции и торговли женщинами.

В 1999 году в Швеции, при поддержке местных феминистских и женских организаций, был принят закон о криминализации покупки и декриминализации продажи секс-услуг (известный как «шведская модель»). Сторонники этого закона считают его воплощением феминистской политики в отношении коммерческого секса, однако большинство исследовательниц

негативно оценивают его последствия для благосостояния секс-работниц (особенно мигранток) (Рачок 2015¹; Danna 2011; Holmström, Skilbrei 2017; Vuolajärvi 2019), и расценивают его как воплощение карцеральной идеологии и (нео)патриархального контроля над женской сексуальностью (Levy, Jacobsson 2013). В последующие годы подобное законодательство (или его элементы) было введено еще в ряде стран, включая Северную Ирландию, Норвегию, Исландию, Францию, Чили, Южную Корею и другие страны. Принятие и распространение криминализации клиента в качестве феминистской политики в отношении коммерческого секса послужило тому, что многие исследовательницы стали анализировать идеологию и собственно практические эффекты этого закона. А поскольку CATW, главой которого является Барри, поддерживает криминализацию и, более того, повлияло на принятие этого закона в Швеции,² то исследовательницы часто цитируют FSS как труд, заложивший основание для этого подхода. Например, Дженнифер Сачленд, ссылаясь в том числе на книгу 1979 года, утверждает, что “такие организации как Coalition Against Trafficking in Women основывали свою деятельность на принципах, сформулированных Барри” (Suchland 2015:32). Как и многие другие исследовательницы, Сачленд считает, что эссенциалистское и универсалистское видение секс-работы, которое Барри предложила в FSS, является теоретическим и идеологическим основанием современной атаки на сферу публичной сексуальности со стороны (части) феминистского движения.

Однако, несмотря на то, что многие положения из этой работы действительно задействуются в том, что Элизабет Бернстайн (см. наст. изд.) называет карцеральным феминизмом, в FSS идея использования репрессивных механизмов не только не поддерживается, но и не раз критикуется. Карцеральный поворот, в том числе поддержка криминализации клиента, происходит в работе Барри 1995 года, *Prostitution of sexuality* (PoS). По словам самой Барри эта книга, которая изначально планировалась как всего лишь новая редакция FSS, превратилась в ее противоположность, предложив новое теоретическое осмысление и *policy orientation* в отношении коммерческого секса. Таким образом, для анализа становления карцеральной модели феминизма в отношении коммерческого секса важно понять не столько логику отдельных трудов Барри, сколько различия и динамику между ними.

Как неоднократно подчеркивала Бернстайн (напр., Bernstein 2010, 2007), современный карцеральный феминизм рождается именно из предшествующего эмансипаторного движения (1960-е – 1980-е гг.), являясь одновременно и его продолжением и его противоположностью. Если в тексте Бернстайн, публикуемом в настоящем номере журнала, описываются,

скорее, контексты гендерных, экономических, политических и культурных трансформаций, повлиявших на траекторию (консервативный поворот) феминистского движения, то анализ и сравнение текстов Барри – это шанс посмотреть на становление карцерального феминизма внутри самого феминистского дискурса. Сопоставляя и противопоставляя два текста одной авторки, можно более детально рассмотреть теоретические и политические трансформации, произошедшие при переходе от эмансипационного к репрессивному режиму феминистского движения. Другими словами, анализ текстов Барри можно рассматривать как исследование еще одного изменения карцерального феминизма, иллюстрирующее основные положения текста Бернштейн и имеющее важнейшее значение для понимания эволюции феминистского подхода к коммерческому сексу.

Связь времен

Как уже отмечено, собственный проект Кэтлин Барри исторически фундирован опытом феминистской борьбы против государственной регуляции коммерческого секса и феномена «белого рабства»,³ которую возглавляла Джозефина Батлер. Это была символически и политически значимая кампания, имевшая довольно массовый характер и принесшая определенные выгоды женскому движению. Исследователи отмечают, что ее итогом стала легитимация присутствия женщин в публичной сфере и их участия в собственно политических делах, а также формирование устойчивых международных феминистских организаций и коалиций (см. Жайворонок 2020).

Тем не менее, кампания против регуляции борделей и «белого рабства» имела и ряд негативных последствий, прежде всего именно для женщин, занимающихся коммерческим сексом. Регуляция была отменена, однако на ее место пришла криминализация секс-услуг, сопровождавшаяся появлением, причем на международном уровне, ряда законов, интенсифицировавших контроль над женщинами-мигрантками и ограничивавших их мобильность (Walkowitz 1982). Поэтому современные феминистские исследовательницы описывают итоги кампаний на стыке XIX-XX вв. как амбивалентные или даже как негативные (если за точку отсчета берется положение самих женщин, занимающихся коммерческим сексом) (Agustin 2005; Doezenia 2010).

Барри прекрасно понимает проблематичность такого наследия в качестве отправной точки собственного феминистского анализа. Она соглашается с тем, что запущенная Батлер кампания обернулась негативными эффектами для женщин, занимающихся коммерческим сексом. Но в то же время, она пытается реабилитировать свою предшественницу.

Так, например, Барри признает, что в своей кампании Батлер руководствовалась, в том числе, религиозными представлениями. Коммерческий секс она считала грехом, однако ответственность за него возлагала не на женщин, которых рассматривала как жертв жизненных обстоятельств, а на мужчин-клиентов и их распущенность (см. Жайворонок 2020). Ее главный рецепт противодействию «торговли грехом» заключался в установлении единого жесткого морального стандарта сексуальности, запрещавшего до- и внебрачную сексуальность для обоих полов, а не только для женщин.

Тем не менее, Барри настаивает на том, что взгляды Батлер были «революционно-феминистскими» (Barry 1979: 19), так как она оспаривала мужскую власть в области сексуальности. К тому же она, в отличие от представителей религиозных движений, не обвиняла самих женщин, занимавшихся проституцией (Barry 1979: 29), тем самым защищая свободу выбора. А ответственность за негативные последствия анти-регуляционистских кампаний Барри полностью снимает с Батлер и переносит их на консервативное движение за моральную чистоту, которое по ее мнению, апроприировало изначально феминистское движение. Собственно, согласно FSS, единственный просчет Батлер заключался в коалиционной политике: в том, что для достижения своих целей ее движение заключало союзы с мужчинами, что и привело к проблематичным последствиям всей кампании.

Таким образом, Барри представляет феминистские кампании против регуляции борделей и «белого рабства» и их идеологию как непроблематичное наследие «первой волны», обращение к которому вполне оправдано в современной ситуации.

Разоблачая универсальный патриархат

В *Female Sexual Slavery* (1979) насилие в коммерческом сексе рассматривается как одно из проявлений или одна из субкатегорий феномена более общего порядка — женского сексуального рабства. Вот как его определяет Барри:

Я установила, что «женское сексуальное рабство» присутствует во всех ситуациях, в которых женщины или девушки не могут изменить непосредственные условия своего существования; из которых они не могут выбраться, независимо от того, как они в них попали; и в которых они подвергаются сексуальной эксплуатации и физическому насилию.» (Barry 1979:33)

Другими проявлениями женского сексуального рабства являются женское обрезание, ношение паранджи (veiling) и, конечно, брак. Но только

сочетание всех вышеперечисленных факторов позволяет охарактеризовать положение женщины как сексуальное рабство. В дальнейшем Барри дает понять, что, например, женщины вступающие в брак или занимающиеся коммерческим сексом по собственной воле и способные изменить свое положение (расторгнуть брак, сменить род деятельности) не являются рабынями. То есть брак, проституция или ношение паранджи не представляют рабство сами по себе, но становятся таковым только при наличии дополнительных факторов, таких как принуждение и насилие.

Из всех проявлений женского сексуального рабства Барри больше всего внимания уделяет взаимосвязи семьи и коммерческого секса. В логике радикально-феминистского анализа брак и проституция, в рамках патриархальных обществ, объединены общими функциями и идеологией, направленными на подчинение женщин и контроль за их телами и сексуальностью. Именно они являются «главными институциями... в которых практикуется женское сексуальное рабство» (Barry 1979: 271). Более того, согласно статистике, которую приводит Барри, 80% женщин, занимающихся проституцией, были жертвами физического или сексуального насилия, со стороны мужей, отцов, братьев и прочих мужских родственников (1979: 119). Таким образом, именно семья оказывается отправной точкой, в которой женщина попадает в сексуальное рабство и из которой затем переходит в коммерческий секс. По словам Барри, «патриархальная семья также часто является пространством женского сексуального рабства, как и его предпосылкой» (1979: 119). Но семья выталкивает женщину в проституцию только для того, чтобы проституция, в виде порнографических образов и сцен, проникла обратно в пространство дома и брака, порождая очередной круг насилия и угнетения женщин со стороны мужей и других родственников, потребляющих порнографическую продукцию. В общем, брак, семья, проституция и порнография представляют не отдельные области, но патриархальную связку, в которой насильственные практики перемещаются из одной сферы в другие, порождая и воспроизводя замкнутый цикл патриархального угнетения.

Установив эпистемологическую, идеологическую и функциональную связь между различными проявлениями женского сексуального рабства, FSS фокусируется на коммерческом сексе. И большая часть от общего объема текста представляет собой транс-исторический и транс-культурный обзор насилия над женщинами в проституции. В своем нарративе Барри постоянно переключается от историй про положение женщин в борделях беднейших мигрантских кварталов Парижа, к истории коммерческого секса XIX века, посвящает целую главу анализу случая Патриши Херст,⁴ перед

этим описывая организацию борделей для американских военнослужащих во Вьетнаме, пишет про рынок коммерческого секса в Германии и Австрии и про секс-туризм в Южной Азии. FSS, таким образом, предлагает калейдоскопическую оптику, в которой истории про политически мотивированные похищения, военные изнасилования и принуждение к коммерческому сексу, собранные со всего мира, перемешиваются и сплетаются в жуткой панораме женского сексуального рабства. В качестве материала для анализа Барри использует заметки из газет, полицейские и судебные отчеты, доклады различных министерств и комиссий (национальных и международных), рассказанные кем-то истории и другие источники. Во многих случаях о происхождение информации ничего не говорится. Но в логике текста это и не важно. Для Барри не имеют значения конкретные детали произошедшего, ее цель – разоблачение глобального и универсального патриархального угнетения, скрывающегося за различными конкретными проявлениями. А для этого требуется не фокусировка на деталях и различиях, а аккумуляция, можно даже сказать нагромождение, наложение и концентрация материалов, в результате чего их содержание гомогенизируется. Не разрозненные, а только собранные вместе и прочитанные друг через друга источники, будь то постановления суда, собственные наблюдения или чьи-то рассказы, удостоверяют, буквально делают видимым, осязаемым власть жесткого, монолитного и неизменного патриархата. Если у преступлений одинаковый почерк, точнее отсутствие какого бы то ни было почерка, деталей и контекста, то за ними стоит один и тот же преступник.

Барри пишет: “В практиках порабощения женщин в разных культурах нет ничего уникального, кроме, разве что, разнообразных стратегий, используемых мужчинами” (Barry 1979: 140). Поскольку патриархат и соответствующая ему культура садизма универсальны, то универсально и женское угнетение, что позволяет Барри утверждать общность положения и интересов всех женщин, независимо от их класса, этничности, гражданства, сексуальности и т.д. Таким образом, FSS можно считать образцовым примером феминистского эссенциализма: в развиваемой здесь теории монолитного, транс-культурного патриархата есть только два вектора, доминирование и угнетение, и быть женщиной значит быть жертвой в этой системе, независимо от прочих контекстов, ситуаций и обстоятельств.⁵

Стремление к радикальной эмансипации

Прежде чем предложить какое-то решение этой несправедливой ситуации, в которой женщины всегда оказываются жертвами, а мужчины получа-

ют полную власть над ними, Барри задается вопросом о том, почему женское сексуальное рабство вообще стало возможным? Ее ответ заключается в том, что за это несет ответственность доминирующая в обществе с доисторических времен патриархальная идеология культурного садизма, которая нормализует угнетение женщин и развязывает руки мужчинам. Составляя основание воспитания мужчин, эта культурная парадигма приводит к тому, что «сексуальное развитие всех мужчин, «нормальное» мужское половое влечение, усваиваемое через сексуальную социализацию, играет важную роль в производстве эгоцентричного, эксплуататорского типа личности, который несет ответственность за женское сексуальное рабство» (1979:254).

В описании мужчин Барри использует тот же универсализм и эссенциализм, что и в описании женщин. Все мужчины, независимо от класса, расы, культуры, религии, сексуальности и т.д., обладают личной сексуальной властью, хотя и не все ее проявляют (1979: 255). Поскольку эта власть универсальна, и в равной степени воплощается как в фигурах отца, мужа, брата, так и сутенера, постольку и борьба с ней и сопутствующей идеологией должна быть также всеобъемлющей.

Взамен существующей идеологии культурного садизма Барри предлагает развивать ту систему ценностей, которой “женщины всегда наделяли сексуальность”, то есть ценности интимности, приватности, чувственности, заботы, эмпатии и равенства. Постепенное претворение в жизнь новой системы ценностей в конце концов должно помочь преодолеть существующий дисбаланс гендерной власти.

При этом Барри подчеркивает, что средства достижения этих целей, также важны, как и сами эти цели:

Сейчас средства освобождения для нас так же важны, как и сама цель. Тот способ, которым мы ее достигнем, ляжет в основу нового общества, которое мы пытаемся создать. Наша борьба с колонизацией пола будет эффективной только в том случае, если мы гарантируем свободу колонизированным. Не предоставить индивидуальную свободу — значит заменить одних колонизаторов на других... (1979:278).

В соответствии с этими утверждениями Барри предлагает и определенный подход к регулированию коммерческого секса, основанием которого становятся с одной стороны, забота и поддержка, а с другой – гарантия индивидуальной свободы. Барри предлагает создавать и расширять сеть шелтеров и других центров помощи для женщин, пострадавших от сексуального рабства, вне зависимости от того, было ли оно связано с домашним насилием или коммерческим сексом. Она также выступает за создание

аутрич программ, медицинских и психологических центров поддержки женщин, занимающихся коммерческим сексом. Причем все эти центры и программы должны разрабатываться и управляться самими женщинами, и Барри специально предостерегает от того, чтобы они перешли под бюрократический, государственный контроль и, таким образом, превратились в “репрессивные социальные службы”. В этом отношении Барри следует за общей идеологией раннего шелтерского движения, которое, по выражению Кристин Бумиллер, носило “анархистский характер” (Bumiller 2008), то есть основывалось на самоорганизации женщин, противопоставлявшейся власти государства, считавшегося патриархатным институтом. Барри также на протяжении своей книги многократно критикует полицию, суды, государство, законы, являющиеся, по ее мнению, воплощением мужской власти.

Поэтому кроме создания шелтеров, Барри предлагает еще одно политическое решение проблемы коммерческого секса. Она пишет:

Таким образом, если мы боремся за устранение репрессивных законов, то мы не должны совершать ошибку угнетателя и предполагать, что можем или даже должны устанавливать новую мораль посредством законов. (Barry 1979:278)

Соответственно, Барри предлагает ввести безоговорочную декриминализацию коммерческого секса (1979: 277). Декриминализация даст возможность угнетенным женщинам обрести статус граждан, а не преступниц, избавиться от стигматизации, которая зачастую усложняет “выход” из сферы коммерческого секса. Барри заявляет, что декриминализация — это способ напрямую “пошатнуть принципы патриархата, воплощенного в законе” (1979:278). Вместе с тем борьба против патриархатных институций не должна быть борьбой против женщин, работающих и живущих в таких институциях:

По этой причине, а также стремясь гарантировать индивидуальную свободу, мы не должны препятствовать женщинам, которые свободно вступают в брак и так же свободно из него выходят. Мы также не должны мешать женщинам, которые свободно занимаются проституцией, будь то самозанятые профессиональные девушки по вызову или африканские проститутки с высоким социальным статусом, если они могут свободно покидать свою работу в любое время по своему выбору (1979:279).

Интерлюдия

В 1986 году Констанц Бэкхаус опубликовала небольшую рецензию на сборник, изданный по итогам международной феминистской конференции, прошедшей в 1984 году в Копенгагене (Backhouse 1986). Большая часть этой рецензии посвящена разбору статьи Барри, опубликованной в сборнике и представляющей собой сжатый пересказ основных положений FSS. Бэкхаус очень высоко оценивает проделанный Барри анализ, однако считает, что ее практические предложения не соответствуют логике ее же анализа. Ведь несмотря на то, что Барри допускает индивидуальные акты выбора проституции и брака, в целом она рассматривает браки и проституцию как патриархальные институты. Бэкхаус заключает, что в таком случае нужно рассматривать всех индивидуальных клиентов (но, почему-то, не мужей) как насильников над женщинами, наравне с сутенерами. Если коммерческий секс, как его изображает Барри, представляет собой форму женского сексуального рабства, то должны быть наказаны те, кто его осуществляет, в том числе клиенты. Бэкхаус настаивает на том, что коммерческий секс – это изначально неравная транзакция, которая каждый раз, независимо от контекста и обстоятельств, оказывается осуществлением патриархального насилия. И она призывает Барри быть последовательной, и поддержать криминализацию не только сутенеров, сводников и недобросовестных клиентов, но клиентов вообще.

Собственно, Бэкхаус понимает, почему Барри не делает этот шаг. Во-первых, потому, что, как уже отмечалось, она критически относится к репрессивным функциям государства и не хочет насаждать мораль с помощью запретительных законов. Но есть еще и во-вторых, которое заключается в том, что “феминистки не решаются выступать за криминализацию, потому что они опасаются, что, несмотря на любые меры предосторожности, которые могут быть предприняты, отдельные женщины-проститутки будут по-прежнему преследоваться” (Backhouse 1986: 209). Другими словами, недоверие к патриархальному государству является не только идеологическим. Оно имеет и практическое измерение, заключающееся в том, что несмотря на все возможные попытки предотвратить негативные эффекты криминализации клиентов для женщин, занятых в коммерческом сексе, их все равно не удастся избежать. Бэкхаус соглашается с этим аргументом, но по ее мнению, криминализация стоит того, чтобы пойти на риск ухудшения благосостояния секс-работниц:

“Однако, отдельные женщины будут страдать в той степени, в которой [криминализация] успешно снижает потребительский спрос... они неизбежно будут страдать от снижения доходов и воз-

возможностей трудоустройства, — это печальный, но необходимый эффект тех мер, которые позволят всерьез взяться за проблему коммерческого секса” (Backhouse 1984: 210).

Логика Бэксауса может показаться парадоксальной: проституция — это насилие над женщинами, задача феминизма — покончить с этим насилием. Однако предлагаемые меры феминистской борьбы с коммерческим сексом — криминализация клиента — приведут к дальнейшему ухудшению положения женщин, занятых в коммерческом сексе. Таким образом, предлагаемые ей средства не просто не соответствуют, но напрямую противостоят заявленным целям. Однако логика Бэксауса заключается в том, что проституция оказывает негативное влияние на всех женщин, на женщин как класс. Поэтому борьба с коммерческим сексом через криминализацию клиента оправдывается тем, что несмотря на «печальные» последствия для собственно секс-работниц, такая модель выгодна для женщин в целом. По сути, Бэксаус предлагает пожертвовать интересами меньшинства ради благополучия большинства. Криминализация клиента — это своеобразное феминистское жертвоприношение.

Замена одних колонизаторов на других?

В своей книге 1995 года, *Prostitution of Sexuality*, Барри упоминает Бэксауса в качестве одной из своих главных соратниц в борьбе с коммерческим сексом. В 1985 году Барри стала со-основательницей CATW — ныне одной из самых влиятельных нео-аболиционистских, т.е. выступающих за криминализацию клиента, международных НКО. И самым главным отличием нынешней книги от FSS является то, что теперь Барри ставит под сомнение «скомпрометированное» (1995:17) разделение на добровольную и принудительную проституцию. Скомпрометированным оно оказывается вследствие повторения логики Бэксауса: проституция — это насилие; следовательно, клиент — насильник. Исходя из того, что Барри называет «объективным пониманием проституции», каждая женщина, занимающаяся коммерческим сексом, является жертвой. Причем не важно, считает ли она сама себя таковой — главное то, что она является жертвой *объективно*, то есть в оптике Барри. Другими словами, секс-работницы лишаются возможности выбрать свой статус. Их статус — статус жертвы — определяется не ими самими, а нео-аболиционистским анализом: “проституция, при наличии, как и при отсутствии женского согласия, является формой институционального, экономического и сексуального угнетения женщин” (Barry 1995: 32).

Изменение позиции Барри ведет и к переоценке наследия феминистской борьбы конца XIX — начала XX вв. Если в FSS, как уже было показано, активность Джозефины Батлер трактуется как однозначно положительная, то теперь ее статус становится более амбивалентным. Но вовсе не потому, что в своей риторике она апеллировала к христианским представлениям, и не потому, что для нее и ее последовательниц сфера легитимной сексуальности ограничивалась семейным ложем. Несмотря на все это, Батлер сохраняет статус феминисткой героини, бросающей вызов мужской власти над женской сексуальностью. Но в то же время на нее возлагается ответственность за введение «ложного» разделения на добровольную и принудительную проституцию (Ваггу 1995:92). Еще одно упущение, по мнению Барри, заключается в том, что возглавляемая ей кампания была направлена только против сутенеров и государственной регуляции борделей, но не против главных насильников — клиентов (1995: 99). Таким образом, вопреки мнению некоторых исследовательниц (напр., Doezeма 2000), идеология криминализации клиента строится не столько на прямом воспроизводстве и задействовании дискурсов и политик «первой волны», сколько на их критическом пересмотре.

В PoS меняется и главное политическое решение проблемы коммерческого секса: если раньше им была декриминализация, которая оставляла место для добровольно выбранной секс-работы, то криминализация распространяется на любую секс-работу, независимо от контекста, ситуации и мнения самих секс-работниц. При этом целью криминализации объявляется «изменение поведения мужчин» — то есть то самое навязывание новой морали посредством репрессивной функции законодательного запрета, которое раньше Барри называла «ошибкой угнетателя» и «сменой одних колонизаторов другими».

Еще одно важное изменение: если раньше государство было, скорее, врагом, воплощением патриархальной власти и насилия над женщинами в коммерческом сексе, то теперь оно становится инструментом достижения феминистской цели. И если в FSS отказ от сотрудничества с государством являлся предметом рефлексии и идеологического обоснования, то в новой редакции сотрудничество с ним представляется как абсолютно естественное, даже неизбежное. Настолько неизбежное и естественное, что Барри даже не приводит никаких объяснений относительно того, каким образом и почему она пересмотрела свое мнение на взаимодействие с институтом, который ранее рассматривала как воплощение мужской власти.

Впрочем, в PoS Барри больше не настаивает на том, что средства и цели феминистской борьбы должны соответствовать друг другу. В 1979

году она называла отличительной чертой феминистского движения его попытку создавать стили и формы действия, отличные от диктуемых патриархатом (1979: 17), в которых политические ценности не отчуждаются от политической практики, но имманентны ей. В PoS максима о совпадении целей и средств перестает быть актуальной. Исчезает и утопическая составляющая политического проекта: Барри еще пишет о необходимости изменить ценности, но уже не говорит об обществе будущего – без иерархий, насилия и отчуждения. Можно сказать, что утопическое мышление Барри схлопывается, а ее политическая позиция становится более прагматичной, вписанной в настоящий политический порядок и принимающей его как данность или даже как саму реальность.⁶ Если раньше Барри мечтала об альтернативном общественном устройстве, свободном обществе, без угнетения и насилия, то теперь ее политическая программа заключается в том чтобы с помощью криминализации попытаться изменить поведение мужчин. А секс-работницы, особенно их собственные мнения и интересы, вообще выпадают из ее фокуса. Потому что, как она утверждает, «проституция вообще не связана с женщинами» (*sic!*), проституция — продукт активности исключительно мужчин, так как «она существует исключительно в силу мужского спроса», а роль женщин — это роль пассивных жертв мужской распушенности (1995: 47).

Но есть и еще одно важное отличие между логикой и политикой FSS и PoS. Оно заключается в том, что в FSS устанавливалась эквивалентность между браком, семьей и проституцией. И то и другое Барри рассматривала как организационные формы патриархального угнетения женщин, непосредственно связанные между собой. Соответственно, и феминистские политики в отношении брака и коммерческого секса тоже были эквивалентны: если женщина может свободно выбрать брак, то она может и свободно выбрать коммерческий секс. Теперь, в PoS семья также рассматривается как патриархальный институт, но в измерении политических решений она уже не эквивалентна коммерческому сексу: право женщины выбрать брак остается, право выбрать коммерческий секс — исчезает. Выбор коммерческого секса становится невозможным как на концептуальном уровне, так и на политическом: криминализация клиента распространяется на все коммерческие услуги, в независимости от того, предоставляются они добровольно или нет. Можно сказать, что теперь семья занимает привилегированное положение по отношению к коммерческому сексу. Она остается объектом критики, но, в отличие от коммерческого секса, не криминализируется.

Карцеральный феминизм

О радикальных трансформациях в феминистском движении и идеологии, произошедших на глобальном уровне, уже написано достаточно много. Критические исследовательницы отмечают, что в настоящее время некоторые направления феминизма сближаются с религиозными и антииммигрантскими группами, активно принимая участие в производстве и легитимации современных неолиберальных и неокOLONиальных политик (Дитце 2019; Farris 2017; Farris, Rottenberg 2017).

Сравнение двух текстов Кэтлин Барри, относящихся к разным фазам развития современного феминизма, FSS (1979) и PoS (1995), наглядно демонстрирует те драматические изменения, которые произошли во взглядах, политических позициях и оценках авторки, как и в представляемом ей направлении нео-аболиционистского феминизма (см. Bernstein 2007), за этот период. Но значимы, конечно, не только трансформации, но и устойчивость, повторение, те элементы идеологической/дискурсивной сборки, который остаются неизменными. В Таблице (1) приведен сравнительный анализ основных концептуальных и политических установок в двух текстах Барри.

Таблица (1) Сравнение FSS и PoS	
<i>Female Sexual Slavery</i> (1979)	<i>Prostitution of Sexuality</i> (1995)
Кампании против государственной регуляции борделей и «белого рабства» (конец XIX-начало XX вв.) как положительный пример для современного феминизма	Критическая ревизия наследия феминизма первой волны
Эссенциализм, универсализм, анти-историчность анализа	+
Жесткая гендерная дихотомия, в которой положение субъекта определяется ее/его гендерной идентичностью	+
Женщины, как и мужчины, понимаются как единый класс, объединенный общим положением во властной иерархии и, соответственно, общими интересами. Различия (раса, класс, сексуальность и т.д.) считаются второстепенными	+

Эквивалентность и взаимосвязанность брака и коммерческого секса как патриархальных институций	Коммерческий секс становится главным институтом угнетения
Коммерческий секс может быть свободно выбран женщиной	Разделение между добровольной и принудительной проституцией объявляется «ложным» и не соответствующим «объективному анализу»
Эквивалентность брака и коммерческого секса в законодательном плане; и то и другое может быть предметом свободного выбора женщины	Коммерческий секс криминализируется, брак нет; свободным выбором женщины может быть только брак, но не коммерческий секс
Государство — патриархальный институт; феминистская политика стремится изобретать альтернативные формы и стили действия	Государство — патриархальный институт; но тем не менее оно может быть союзником феминизма
Навязывать новую мораль с помощью репрессивных законов — значит совершать ошибку “угнетателя” и уподобляться колонизатору	Криминализация как способ изменить поведение мужчин и изменить общественные ценности
Утопическое измерение: свободное общество без угнетения и насилия	Капиталистический/этатистский реализм: другое общественное устройство невозможно/немыслимо

Как видно из таблицы, неизменную основу подхода Барри составляют эссенциализм и универсализм, отрицающие культурную или историческую специфичность анализируемых ею феноменов. Для нее, как, впрочем, и для всего течения, которая она представляет, категории «женщины» и «мужчины» абсолютно стабильны, как и отношения жертва-насилыник, выстраиваемые между ними. Различия же между женщинами, как и между мужчинами, задаваемые разными классовыми и гражданскими статусами, расой/этничностью и сексуальной ориентацией, рассматриваются как второстепенные по отношению к гендерной идентичности. Точно таким же неизменным и стабильным предстает и коммерческий секс, который имеет одну и ту же природу что во времена Джозефины Батлер в Британии, что в современной Южной Азии, что и вообще всегда и везде.

Но, как мы видим, политика Барри не детерминируется ее стилем мышления. Универсализм, анти-историчность, стирание различий, эссенциализм, по-видимому, оказываются политически нейтральны, так же, как и, например, и обращение к проблематичному наследию первой волны. Все эти эле-

менты важны для построения определенной аналитической оптики, но они не определяют политических решений. Эссенциализм может сочетаться как с декриминализацией коммерческого секса, так и с его криминализацией, как с неприятием государства, так и с обращением к его репрессивной длани.

Пожалуй, самое интересное в трансформации, произошедшей между двумя текстами Барри, это то, что она имеет не столько рефлексивный характер, сколько прагматический, функциональный. Как можно увидеть из таблицы, Барри редко отказывается и пересматривает свои взгляды, за исключением взглядов непосредственно на природу коммерческого секса. Все остальные изменения – относительно оценки государства и его институтов, семьи, феминистской политической стратегии – остаются в ее тексте без объяснения. Собственно, в PoS Барри нигде не говорит, что цели и средства феминизма должны или не должны совпадать. Не объясняет она и почему, продолжая рассматривать государство как патриархальный институт, в то же время именно криминализация клиента, предполагающее вовлечение пенитенциарной системы и аппаратов легального насилия, становится наиболее адекватной феминистской политикой в отношении коммерческого секса. И того, почему семья, также являющаяся источником насилия над женщинами, избегает криминализации, в отличие от коммерческого секса. Все эти изменения *просто* происходят.

Поскольку их логика не проговорена в самом тексте, то мы можем лишь зафиксировать произошедшие изменения. Чтобы их объяснить, можно обратиться к концепции карцерального феминизма, разработанной Элизабет Бернстайн на материале многолетнего анализа феминистских кампаний против сексуального рабства и за криминализацию клиента. Исследовательница определяет карцеральный феминизм как «культурную и политическую формацию, в которой борьба предыдущих поколений [феминисток – Ж.Д.] за справедливость и освобождение переформулируется в карцеральных терминах» (Бернстайн, наст. изд.). Эта консервативная трансформация феминистской стратегии дополняется смещением внимания с насилия над женщинами, происходящего в рамках семьи и дома, на «сексуальных хищников за его пределами», то есть на сутенеров и клиентов секс-работниц. По мысли Бернстайн, эта трансформация феминистской оптики соответствует логике секьюритизации позднего неолиберализма, в которой общественные, публичные пространства заново маркируются как опасные зоны, нуждающиеся в постоянном повышенном наблюдении и контроле, в то время как пространство индивидуального жилища преподносится как единственная возможность создания безопасного пространства. При этом образ семьи и дома как безопасных пространств конструируется как раз за

счет того, что дискурсивно сексуальная угроза смещается за рамки семьи, в коммерческий секс и другие формы внесемейной сексуальности. Как пишет Лоик Вакан, такое смещение «служит символическому очищению семьи и заново утверждает ее роль безопасной гавани, противопоставленной угрозам внешнего мира» (Wasquant 2009: 235). Именно это процесс символического очищения семьи мы видим при сравнении текстов Барри.

Поскольку же неолиберальный карцеральный феминизм производит символическую инвестицию в семью, постольку он нуждается в государстве, легитимирующем и поддерживающем ее статус. Как пишет Бернстайн, «профессиональные» феминистки, относящиеся к среднему классу и занятые в третьем секторе, «используют и продвигают карцеральное государство для секьюритизации сексуальных границ дома», поскольку они «получают крупные материальные и символические выгоды от брака» (Бернстайн: наст. издание).

Но если атака на коммерческий секс приводит к материальным и символическим выгодам для некоторых феминисток, то она оборачивается многочисленными потерями для женщин (а также транс-людей и мужчин), занимающихся коммерческим сексом. Урон, наносимый им криминализацией клиента и приравниванием всей секс-работы, в том числе добровольной, к сексуальному рабству, не раз становился предметом анализа и подробно задокументирован исследовательницами (обзор см. Mgbako 2020; Vanwesenbeeck 2017). Секс-работницы страдают не только от потери доходов, как писала об этом Бэкхаус, но также от роста насилия со стороны клиентов и стражей порядка, от общей социальной и экономической незащищенности, от маргинализации в общественном мнении и т.д. (Holmström, Skilbrei 2017). Другими словами, сотрудничество нео-аболиционистского феминизма с карцеральным государством обернулось для секс-работниц новыми формами угнетения и стигматизации.

Заключение

Какими бы терминами не называли поворот, произошедший в идеологии части феминистского движения – консервативный, карцеральный, неолиберальный – очевидно, что он не был неизбежным. Он не был логическим продолжением радикальной и утопической политики предыдущих десятилетий. Наоборот, он является его прямой противоположностью, как в используемых средствах, так и в целях. Можно говорить о том, что неолиберализм и карцеральная идеология сыграли роль вирусов, взломавших, но не полностью уничтоживших, программный код части феминистского дви-

жения, поставив собранную им машину войны на службу государству и капиталу (см. Kondakov, Zhaivoronok 2018).

То, что карцеральный поворот не был исторически неизбежным, доказываете тем, что большая часть феминистского движения его не совершила. В подходе к коммерческому сексу, как и ко многим другим проблемам, многие активистки, исследовательницы, секс-работницы и другие феминистки, в том числе на постсоветском пространстве,⁷ продолжают бороться за декриминализацию, и развивать видение феминизма, в котором интересы маргинализированных групп не приносятся в жертву абстрактному большинству, но становятся частью общей борьбы за более справедливое общественное устройство. Такой феминизм удерживает утопический и радикальный эмансипационный потенциал предыдущих поколений, одновременно пересобирая и переизобретая свой собственный проект в условиях постоянно мутирующего неолиберализма, вычерчивающего новые линии классового и гендерного неравенства.

---

¹ Рачок Д. (2015) *Секс-работа: от аболиционизма к декриминализации*. Доступно по ссылке: <https://politkrytyka.org/2015/02/28/seks-rabota-ot-abolytysonyymak-dekrymyanalizatsyy/> «доступ 8 июня 2020»

² Так утверждается на сайте организации, см. <http://www.catwinternational.org/WhoWeAre/History>

³ Белым рабством с конца XIX в. называли принудительную проституцию. Многие исследовательницы считают феминистские кампании против «белого рабства» примером моральной паники. Подробнее о белом рабстве см. Doozema 2010.

⁴ Патриша Херст – дочь американского медиамагната и анти-коммуниста Рэндольфа Херста, которую в 1974 взяли в заложницы члены радикальной левой организации Симбионистская армия освобождения (Symbionese liberation army). В 1976 году Патриша Херст была осуждена за участие в деятельности SLA в том числе в ограблении банка и изготовлении взрывчатых веществ, несмотря на то, что сама Херст заявила о том, что действовала под давлением, была похищена, изнасилована и подвергалась физическому насилию со стороны членов SLA. (Барри интерпретирует эту историю как подтверждение того, что феминистки не должны доверять и объединяться с левыми.) В *Prostitution of sexuality* Барри рассматривает случай Патриши Херст как «кристаллизацию опыта женского сексуального рабства в проституции» (Barry 1995:251). Остается только догадываться, почему именно опыт белой женщины из богатой семьи, американки,

похищенной леворадикалами и никогда не занимавшейся коммерческим сексом, стал в дискурсе Барри кристаллизацией опыта всех женщин в проституции.

- ⁵ В анти- и пост-колониальном феминизме такой универсалистский, гомогенизирующий подход критикуется как одно из измерений колониальной власти и колониального знания, отрицающих и уничтожающих локальную специфичность и рассматривающих Западные установки в качестве всеобщих и культурно-нейтральных. См.: Amos, Parmar 1984; Mohanty 1984.
- ⁶ Политический философ и культурный критик Марк Фишер (2010) отмечал, что особенностью современных форм капитализма как культурного феномена заключается в том, что он предстает как естественный и неизбежный порядок устройства общества. Как не имеющий альтернатив. Он может трансформироваться, но, тем не менее, будет оставаться неизменным. Потому что он занимает место самой реальности. Однако, в случае Барри, скорее можно говорить об этатистском реализме, в котором политическое действие немислимо без участия государства. Государство становится неизбежным, не имеющим альтернативы способом политической организации и действия. Таким образом, трансформация политического воображения Барри от FSS до PoS может быть охарактеризована как утрата утопического измерения, утрата политического радикализма, и переход к рассмотрению современного общественного устройства как безальтернативного.
- ⁷ Напр., Легалайф (Украина), Форум секс-работников и SXWRK (Россия), Транс*коалиция на постсоветском пространстве.

Литература:

Бернштейн Э. (2020) Карцеральная политика как гендерное равноправие? «Торговля женщинами» и неолиберальная связка преступления, секса и прав. *Гендерные исследования*, № 24, 2020.

Дитце Г. (2019) Сексуальность стала удобным инструментом легитимации повесток. Доступно по ссылке: <https://syg.ma/@danil-danila/office-minatsionalizmie-v-giermanii-islamofobii-i-issliedovaniiah-maskulinnosti>

Жайворонок Д. (2020) Интервенция викторианских феминисток в сферу коммерческого секса в середине XIX – начале XX веков. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(1), 37-52.

Фишер М. (2010) *Капиталистический реализм*. Екатеринбург: Ультракультура 2.0.

Agustin L. (2005) Helping Women Who Sell Sex: The Construction of Benevolent Identities. *Rhizomes*, (10). Доступно по ссылке: <http://www.rhizomes.net/issue10/agustin.htm> (accessed 13 April 2019).

Amos V., Parmar P. (1984) Challenging Imperial Feminism. *Feminist Review*, 17: 3–19.

Backhouse C. (1986) International Feminism: Networking Against Female Sexual Slavery. Kathleen Barry, Charlotte Bunch and Shirley Castley (eds.). *Atlantis: Critical Studies in Gender, Culture & Social Justice*, Vol. 11 No. 2: 208-211.

Barry K. (1979) *Female Sexual Slavery*, New Jersey: Prentice-Hall.

Barry K. (1995) *The Prostitution of Sexuality*. New York: NYU Press.

Bernstein E. (2010) Militarized Humanitarianism Meets Carceral Feminism: The Politics of Sex, Rights, and Freedom in Contemporary Anti-Trafficking Campaigns. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 36:1, 45-71.

Bernstein E. (2007) The Sexual Politics of the ‘New Abolitionism.’ *Differences: Journal of Feminist Cultural Studies*, 18:3, 128-151.

Bumiller K. (2008) *In an Abusive State: How Neoliberalism Appropriated the Feminist Movement*. Durham; London: Duke University Press.

Danna D. (2011) Client-Only Criminalization in the City of Stockholm: A Local Research on the Application of the “Swedish Model” of Prostitution Policy. *Sexuality Research and Social Policy* 9(1): 80–93.

Doezema J. (2000) Loose women or lost women?: The re-emergence of the myth of white slavery in contemporary discourses of trafficking in women. *Gender Issues*, 18 (1): 23–50.

Doezema J. (2010) *Sex Slaves and Discourse Masters: The Construction of Trafficking*. London: Zed Books.

Farris S. (2017) *In the Name of Women’s Rights. The Rise of Femonationalism*. Durham: Duke University Press.

Farris S., Rottenberg C. (2017) Introduction: Righting Feminism. *New Formations: A Journal of Culture, Theory, Politics*, 91(3): 5-15. Holmström C., Silbri M-L. (2017) The Swedish Sex Purchase Act: Where Does it Stand? *Oslo Law Review*

4(2), доступно по ссылке: https://www.idunn.no/oslo_law_review/2017/02/the_swedish_sex_purchase_act_where_does_it_stand (доступ 8 июня 2020).

Kondakov A., Zhaivoronok D. (2018) Re-assembling the feminist war machine: State, feminisms and sex workers in Russia. In: Dewey, S., Crowhurst, I. & Izugbara, C. (eds.) *Routledge International Handbook of Sex Industry Research*. London: Routledge, 250-262.

Levy J., Jacobsson P. (2013) Abolitionist feminism as patriarchal control: Swedish understandings of prostitution and trafficking. *Dialectical Anthropology* 37(2): 333–340.

Mgbako C. (2020) The Mainstreaming of Sex Workers' Rights as Human Rights. *Harvard Journal of Law & Gender*, vol. 43: 91-136.

Mohanty C. T. (1984) Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *boundary 2*, Vol. 12, No. 3: 333-358.

Rubin G. (1984) Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. C. Vance (ed.) *Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality*, Boston; London: Routledge and Kegan Paul.

Suchland J. (2015) *Economies of violence: transnational feminism, postsocialism, and the politics of sex trafficking*, Durham; London: Duke University Press.

Wacquant, L. (2009b) *Punishing the poor: The neoliberal government of social insecurity*. Durham: Duke University Press.

Vanwesenbeeck I. (2017) Sex Work Criminalization Is Barking Up the Wrong Tree. *Archives of sexual behavior*, 46:1631–1640.

Vuolajärvi N. (2019) Governing in the Name of Caring—the Nordic Model of Prostitution and its Punitive Consequences for Migrants Who Sell Sex. *Sexuality Research and Social Policy*, vol. 16: 151–165.

Walkowitz J. (1982) Male Vice and Feminist Virtue: Feminist and the Politics of Prostitution in Nineteenth-Century Britain. *History Workshop Journal*, (13): 79–93.